

УДК 1:316
ББК 60.011

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ

С.Б. Токарева

В статье рассмотрены основные принципы социального конструирования реальности. Показана универсальность социального конструктивизма в качестве исследовательской стратегии и методологии преобразования общества.

Ключевые слова: общество, социальное конструирование, модернизация, социальный конструктивизм, социальная теория, социальная практика.

История социального конструирования как сознательного преобразования общественных институтов и процессов коренится в планомерном характере человеческой деятельности и ее ориентации на перспективу. Рост численности населения и процессы миграции, сопровождающиеся освоением или захватом новых территорий, объективно требовали конструктивных решений по организации трудовой, управленческой, военной, политической сфер. При этом не всегда удавалось копирование старых культурных образцов. Таким образом, конструктивная деятельность всегда играла важную роль в формировании жизненного уклада, была источником инноваций, оформлявшихся в устойчивые формы и институциональные структуры, обеспечивающие динамическую устойчивость общества. В ходе оборачивания ролей социальное конструирование, осуществлявшееся в рамках сложившихся традиций, становилось предпосылкой формирования новых образцов деятельности, приобретающих впоследствии статус традиционных.

В разных культурах социальное конструирование играло различную по своей значимости роль в зависимости от отношения конкретной культуры к *будущему*. Антропологи установили, что в некоторых архаичных культурах время вообще не имеет для людей реального значения, а будущее не имеет реаль-

ности и определенности. В таких культурах невозможно планирование как основа конструктивной деятельности. Так, высокоразвитая во многих других отношениях античная культура «никогда не имела формального мотива и цели внутреннего развития», «никогда не знала чувства будущего – направления жизни, смысла истории и, следовательно, не знала и заботы» [4, с. 288]. А поскольку именно *забота* есть подлинное начало социальности, ассоциируемой с государственностью, античность под именем государства знала, по мнению О. Шпенглера, только случайные политические образования – полисы, «лишенные исторически-формального содержания и энергии направления» [там же, с. 455].

Психологическим выражением устремленности в будущее является *воля*. Поэтому укорененность античного человека в настоящем проявляется как своеобразное безволие: «люди ничего не хотели и ни на что не дерзали, но находили опьяняющую красоту в том, чтобы сносить» [3, с. 301]. В своих желаниях и намерениях, при построении планов и их осуществлении человек античной культуры проявляет себя как существо мыслящее, но не волящее в нашем понимании. В античную эпоху главной человеческой способностью, позволяющей ему справиться с бесконечным числом случайностей и самоутвердиться, считалась способность *претерпевать*, а не преодолевать. Человеческие состояния, типичные для представителя античной культуры, характеризовали преимущественно пассивно-созер-

цательный, а не целеустремленно-волевой настрой [2, с. 379]. А.Ф. Лосев указывает, что даже под *фантазией* древние греки практически всегда имели в виду состояние не человеческого, а космического творческого ума, и что лишь однажды ему попался единственный текст, где «фантазия трактуется ... как продукт человеческого энтузиазма и вытекающих из него необычайных, не пассивных, но приподнято-восторженных и творчески-активных мыслительных образов» [2, с. 381], то есть в западноевропейском, а не в античном духе.

Иной характер имела египетская культура, в которой строгое пристрастие к хронологическому выражалось в склонности везде видеть последовательность стадий процесса, устремленного к некоторой цели, достигаемой конструктивным усилием народа, организуемого государственной властью. Для подобных культур характерен высокий уровень дифференциации социального бытия, в жесткой структуре которого практически преодолен изначальный хаос индивидуальных волей, представлений и интересов. До мелочей отлаженная государственная машина превращает все общество в единую целостность, внутри которой каждый человек занимает определенную *должность*, выполняя долг по отношению к целому.

Наиболее полное осмысление феномена воли происходит в сознании европейского человека под влиянием христианской традиции, которая представляет Бога не размышляющим и строящим планы, а Творцом, Своей волей созидующим мир. Мир начинает мыслиться как результат осуществленного *желаемого* положения дел, и это осуществление есть результат воли как некоторой планомерной активности, абсолютной или ограниченной власти и силы, различными формами олицетворения которой выступают Бог, природа и человек. Созидательная направленность передается творению как заключенные в нем цель, смысл и назначение. Для человека преодоление и волевое созидание, вера в свои силы и определенность цели становятся постоянными и сознательными мотивами. Это резко контрастирует с учением Протагора о человеке как о *мере*, а не о *творце* всех вещей [4, с. 449].

Развитие социального конструирования тесно связано с формированием историческо-

го мышления, поэтому сферой его приложения традиционно выступали исторически изменчивые социально-политические формы и связанные с ними цивилизационные механизмы; в гораздо меньшей степени социальное конструирование затрагивало культуру, которая развивается органически, естественным образом. Культура, как и *душа*, которой ее уподобляет О. Шпенглер, не имеет «чувства собственного становления», «не имеет никакого представления о том, что ей надлежит совершить» [4, с. 288], и может быть истолкована как осуществление душевных возможностей, отнюдь не связанных с какими-либо «проектами».

Для западноевропейской культуры характерно восприятие времени как уходящей в будущее дороги, определенная часть которой обозрима. Планирование и конструктивная деятельность связаны как раз с обозримым будущим, поэтому представители западной культуры ориентированы преимущественно на краткосрочные проекты и новации, призванные привести к желаемым переменам. Прошлое для нас не самоценно; мы обращаемся к нему в основном для того, чтобы провести инвентаризацию собственных навыков и возможностей и сделать прогноз о вероятности успеха наших действий в будущем. Напротив, ко времени наша культура относится очень серьезно, практически как к материальному предмету: мы его приобретаем, расходуем, боимся растратить впустую, а потому в деятельности чрезвычайно ценим темп, стремясь сделать максимально много в течение определенного отрезка времени.

История на Западе всегда трактовалась в конструктивистском ключе как *осуществление возможного*. По мере того как воля и сила превращаются в символы и конструктивные принципы западной цивилизации, деятельное бытие, активность, решимость, самоутверждение западного человека оказываются направленными на достижение того, что имеет всеобщее и длительное значение для человеческого общежития. Те культуры, которые ближе всего стояли к активному, конструктивному жизнеощущению и включали в свои идеологические построения критику наличного состояния общественной системы и мысленное построение (проектирование) образа бу-

дущих социальных институтов, обнаруживали хорошо организованные государственные формы. Именно в социально-политической сфере общественный субъект обнаруживает устремленность к желаемому будущему. Волевым коллективным усилием и действием он превращает в действительность один из возможных проектов, и это достижение требует планирования, детальной разработки и поэтапной реализации. «В идее государства выражается история того будущего, каким его *хочет* известная культура» [4, с. 288].

Чтобы сферой приложения человеческой преобразовательной активности стали общественные институты, необходим ряд условий. Во-первых, социальная действительность должна оказывать сопротивление, то есть обширные территории общественного пространства должны нуждаться в более глубокой социализации. Во-вторых, сами агенты социального действия должны осознавать свое положение и стремиться к переменам. Свой вклад в осознание ими потребности стать свободными и защищенными, иметь выбор и контролировать власть должны внести критическая теория, гражданское общество, идеологи и лидеры конкретных социальных групп. По этой причине конструктивная перестройка общества часто связана с принуждением, когда людям буквально навязывается мысль о том, что будущее общества зависит от них и они несут за него ответственность.

Классическая социальная теория видела в социальном конструировании основной механизм социальных изменений и предполагала, что эффективность социальных действий зависит от степени понимания субъектами хода истории, ее законов и устойчивых тенденций. Само конструирование опиралось на убеждение в том, что «все социальные образования имеют историю и обязаны своим происхождением определенному плану или проекту (не обязательно человеческого происхождения), нацеленному на реализацию определенных целей» [3, с. 54]. И хотя по мере того как эти цели достигаются или утрачивают свое значение, значимость соответствующих социальных институтов меняется, и необходимы усилия по проектированию и осуществлению новых социальных преобразований, волюнтаристские замыслы чело-

века ограничены предназначением того или иного социального института. Только в том случае, если конструктивная деятельность субъекта учитывает общие исторические тенденции развития общества в целом и отдельных социальных образований, она может быть успешной.

Иную позицию в отношении социального конструирования высказывают, по мнению К. Поппера, представители социальной инженерии. Соглашаясь с тем, что рациональное преобразование и конструирование в социальной сфере возможны, они отрицают заданные цели и назначение общественных институтов, а потому признают возможность их произвольного видоизменения в соответствии с нашими потребностями и целями. Не имеет значения генезис социального института, важны лишь его наличное состояние и эффективность на данный момент. В этом случае конструктивная деятельность человека приобретает волюнтаристский характер, поскольку возможности субъекта по переустройству социума ничем не ограничены.

Социальный конструктивизм классической эпохи означал, что человек из глубин своего микрокосма способен предвидеть и задавать макроскопические параметры общественной системы или, по крайней мере, изменять их в целях оптимизации. Как правило, подобные проекты макроскопического уровня предполагают, что субъекты должны действовать как единый организм, внутри которого уже нет места отдельным индивидуальностям, в котором напряженность и свобода отдельных людей подчинены общей цели и растворены в общем действии. В этой ситуации индивидуальности угрожает опасность быть поглощенной тотальностью, и на ее защиту встают критическая социальная теория и гражданское общество.

Эпоха модерна развивалась под знаком индивидуализации, и ее главным достижением стало формирование эффективных механизмов преодоления подчинения индивидуального общественному. На историю человечества стали смотреть как на историю поэтапного освобождения индивидуальности. Начавшись с освобождения доклассического человека от его зависимости от общинно-родовой субстанции, этот процесс приводит к формированию

важной предпосылки будущего конструктивного отношения человека к миру – способности понимать смысловые контуры действительности и видеть в ней функции, аналогичные человеческим, а следовательно, доступные человеческому воздействию. В этот период человек пока еще не берется конструировать действительность, ибо он «еще слишком слаб» в том смысле, что для него закрыта и недоступна пониманию *субстанция* действительности, ее *судьба* [2, с. 364]. Однако он обнаруживает сферу, где в полной мере проявляет себя созидательно-конструктивный характер человеческой деятельности – этическую сферу. У Аристотеля специально выделяется практический момент волевой целенаправленности, а добродетель определяется как особого рода волевая деятельность души, стремящейся к той или иной идеальной цели. В результате «объективная действительность стала мыслиться не только как предмет и цель человеческих стремлений, но и как реально осуществленная жизнь человеческого субъекта, и притом осуществленная усилиями самого же человека» [2, с. 373].

В эпоху Возрождения конструктивная деятельность человека сосредоточивается, прежде всего, на сфере умственных построений и в этом качестве становится частью социального прогресса. В эпоху Просвещения стремление развенчать прошлое как сложившийся «естественный порядок» и заменить его разумным, продуманным порядком, как некоторой спланированной конструкцией, стало навязчивой идеей сторонников общественных преобразований. С неизбежностью возникающий при расчищении места для новых, усовершенствованных социальных институтов хаос мыслится как временный, на месте которого усилиями реформаторов появятся новые, более совершенные общественные институты. Как любое искусственное образование, новое общество будет отличаться простотой и универсальностью социальных форм по сравнению со спонтанно сложившимся традиционным обществом, по аналогии с тем, как в девственном лесу многообразии растительных форм исчисляется тысячами видов, а при окультуривании, возделывании почвы сокращается до сотен или даже десятков видов. В некоторых теориях

(например, в марксизме) основа общества сведена к единственному типу социальных отношений.

Несмотря на то что такое иерархическое общество, качественно определяемое некоторой базисной структурой, является достаточно жестким и негибким, его члены сохраняют практическую независимость друг от друга в качестве атомизированных личностей, а жесткий социальный каркас не дает обществу рассыпаться даже в условиях набирающей температуры либерализации. Эта последняя приводит не только к усилению социальной динамики, но и к разрушению сложившихся социальных структур, организовывавших людей вокруг общих целей и не просто снабжавших их функциональными социальными установками, но и задававших устойчивые жизненные ориентиры. Теперь все, чем человек мог бы руководствоваться при выборе жизненной стратегии, он должен искать на микроуровне, не в политике, а в образцах поведения окружающих людей. Системная структура общества стала непостижимой для индивида не потому, что она оказалась «закрыта» для него непреодолимыми обстоятельствами, а потому что она потеряла качественную устойчивость и определенность. Неструктурированное состояние современного общества, вызванное критическим уровнем его индивидуализации, перестало быть переходным, оно стало хроническим.

В этих условиях субъектом конструктивных преобразований становится отдельный человек, на плечи которого, соответственно, и ложится ответственность за их последствия. В обществе модерна власть означала возможность управлять и подчинять, стремясь сделать это управление и подчинение всеохватным. В ответ управляемые стремились сохранить private сферы, свободные от контроля и, в свою очередь, контролировать по мере возможности саму власть. В результате этого противостояния власти и населения сформировался институт гражданского общества, под влиянием которого управление оказалось прочно связанным с ответственностью за общее благосостояние, устойчивость общества и за порядок в рамках того пространства, на которое распространялась власть. Институты гражданского общества как раз и были призваны контролировать сферы ответственности власти.

Напротив, в современных условиях власть получает возможность управлять, не связывая себя при этом обязательствами по поддержанию порядка и обеспечению общего блага. Любые социальные обязательства, особенно связанные с пространственно-территориальными и центрированными структурами, воспринимаются как препятствие, которое необходимо ликвидировать [1, с. 20].

Представители социального конструктивизма классической эпохи полагали, что преобразованию и модификации в социальной сфере подлежит все, что не соответствует потребностям текущего момента; современный социальный конструктивизм идет гораздо дальше, объявляя, что в социальной жизни вообще не может быть ничего устойчивого и неизменного, поскольку все социальные структуры сконструированы самими людьми в их повседневном поведении и, следовательно, являются частными человеческими решениями, не имеющими статуса объективности. Их устойчивость иллюзорна, поскольку социальный мир является типичной сфабрикованной реальностью.

Радикальный вывод социального конструктивизма провозглашает конец человека как социального существа и конец социальности как таковой. Общества как реальности не существует, да человек и не нуждается в нем для осуществления рациональных целей в рамках своей жизненной программы.

Индивидуальной инициативе в современном обществе предоставлена не только сфера индивидуальной жизни, на него возлагаются и обязанности по критическому осмыслению общественных реалий с целью обнаружения областей, нуждающихся в дальнейшей модернизации. Понятно, что критика, осуществляемая из индивидуального пространства субъекта или малой социальной группы, по своему характеру будет существенно отличаться от теоретической или идеологической критики, предполагающей проект общественного переустройства. Но такие проекты и не востребованы: вследствие того что социальное пространство практически сплошь социализировано, а тоталитаризм перестал ассоциироваться с главной общественной угрозой, популярность политической активности, ориентированной на социальные реформы, существен-

но снизилась, а потому радикальные формы критики ушли в прошлое.

Для разрешения многих современных общественных проблем социальный конструктивизм позиционируется как наиболее подходящая методология. В частности, на нее опирается обоснование необходимости перманентной модернизации общества, абсолютизации творческой инновационной деятельности и обесценивания всего, что как-то связано с традицией. Но поскольку цели этой модернизации мало связаны с общим благом и коллективными интересами, единственной ее целью в глазах конкретного человека оказывается его собственная индивидуальность.

Когда государство перестало открыто угрожать индивидуальной свободе, проблема отстаивания человеком своих прав, вопреки ожиданиям, не только не потеряла своей значимости, но и получила мощный импульс к развитию и наполнилась новым содержанием, подразумевающим право человека на свободное формирование своей индивидуальности. Индивидуальность здесь понимается не в качестве высшей степени развития человеком своих задатков, а в качестве его уникальности и возможности для него по собственному желанию выбирать модели поведения и образ жизни. И чем в меньшей степени человек будет ориентирован при этом на общие нормы и универсальные принципы, чем меньшее влияние окажут на его выбор общественные институты или общественные лидеры как выразители общих ценностей, тем более полностью будет реализован его индивидуальный потенциал. При реализации жизненного проекта индивид всегда сможет прибегнуть к «методу прецедента», ориентируясь на доступные примеры для подражания, позволяющие выбрать приемлемый вариант решения конкретных жизненных вопросов. Только за этот выбор и связанные с ним жизненные успехи или неудачи индивид и будет нести ответственность. Совокупным показателем успешности его жизненного проекта может считаться степень удовлетворенности собственной жизнью. Соответственно, люди (а иногда и целые поколения), которые не мыслят свою жизнь в терминах «проектности» и «конструктивности», оказываются оттесненными на периферию современного общества и не видят в

нем для себя никаких перспектив. Трагичность положения этих людей усугубляется тем, что переход к новым формам социального управления часто связан с разрушением сложившихся институтов социальной защиты.

Социальная система оказывается чем-то просто *переживаемым* субъектом, чем-то, к чему он приспосабливается и что он познает лишь в той мере, в какой сам участвует в ее воспроизведении посредством социальных взаимодействий. Таким образом, познание социальной действительности совпадает с ее конструированием. Социальный процесс и знание о нем оказываются эквивалентными: мы можем познать только то, что сами сконструировали, и знание это значимо только в качестве элемента дальнейшего конструирования. Социальное познание служит не задаче описания, объяснения и понимания социальной действительности, а задаче организации субъективного мира, который, не имея собственной онтологии, ни на что другое опереться не может. От социального знания не требуется истинность; оно просто не должно вступать в конфликт с опытом социальных взаимодействий и подкреплять общую концепцию и систему интерпретаций социального опыта. Поэтому социальное знание служит практическим целям не в том смысле, что оно дает верную картину социальной действительности, на основе которой можно построить опыт, а в том смысле, что оно упрочивает социальный опыт как человеческое измерение действительности. Это знание воплощается в социальных техниках и технологиях, в рамках которых осуществляется селекция форм индивидуального поведения.

А.С. Панарин считает, что современные элиты намеренно «выпячивают» субъективную конструктивистскую сторону всей системы мо-

дерна как «фрукотворно-символическую», связанную с *человеческими* проектами, пытаясь всем социальным достижениям придать статус условных, релятивистских конструкций, которые в любой момент могут быть пересмотрены и отброшены как не отвечающие современным задачам. Он высказывает опасение, что если эти переделки социума будут осуществляться в соответствии с интересами экстерриториальных элит, общество рискует потерять все демократические завоевания и гарантии, включая символические механизмы обеспечения социокультурной идентичности, и тогда власть полностью выйдет из-под контроля, и никакие институты гражданского общества не смогут обеспечить человеку защиту.

В качестве методологии социального познания современный социальный конструктивизм со своим отрицанием объективности социальной реальности и абсолютизацией субъективного аспекта, безусловно, сближается со своим антиподом – постмодернистской деконструкцией, которая в присущей ей манере эмансипирует маргинальные, периферийные стороны социального бытия и провоцирует узаконивание теневых социальных практик, что усиливает дестабилизацию и риски в нашем и без того беспокойном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития / А. Ф. Лосев. – В 2 кн. Кн. 2. – Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000. – 688 с.
3. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – В 2 т. Т. 1. – М. : Феникс, 1992. – 448 с.
4. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 1376 с.

SOCIAL CONSTRUCTION METHODOLOGY AND SOCIAL CONSTRUCTIVISM AS METHODOLOGY

S.B. Tokareva

The article concerns basic principles of social construction of reality. The article shows universality of social constructivism as a research strategy and methodology of society reorganization.

Key words: *society, social construction, modernization, social constructivism, social theory, social practice.*